

Алексей Котов

**ЗАЛЮБЫЕ
ДЕНЬГИ**

Алексей Котов

За любые деньги...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Котов А. Н.

За любые деньги... / А. Н. Котов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ковбойские истории: в общем-то, улыбочивые и добродушные, невероятные и полные приключений, в которых деньги, не смотря на все усилия автора, так и не стали главным действующим лицом. Книга из серии "Просто почитать". Но если вдруг вы найдете в ней что-то необычное, пожалуйста, не вините в этом автора.

Содержание

За любые деньги...	6
Цирк Абигайль	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

За любые деньги...

1.

В гостинице «Три веселых ковбоя» у Громкого Гарри сперли нож, табак и спички. Погром в номере наверняка устроил местный пьяница в поисках денег, и было понятно, что вор не умел читать, иначе он прихватил бы с собой записку Одноглазого Вилли и ключи. Записка была написана черт знает какими каракулями и обещала «верное дельце». Мастерски сделанные дубликаты ключей от сейфов банка «Дженерал фонд» лежали на пустом брезентовом мешке рядом с запиской.

Теперь Гарри сидел на том самом мешке, уже набитом деньгами, в центральном хранилище банка. Гарри думал и сосал пустую трубку. Широко распахнутые дверцы пустых сейфов напоминали тюремные камеры. Яркая луна чертила на полу замысловатые узоры в виде тюремных решеток.

– Чертов Одноглазый, – прошептал с досадой Гарри.

Вилли куда-то исчез. Может быть, он закрутил любовь с очередной красоткой из борделя или его пристрелили в салуне, когда он запутался в лишних тузах. Поэтому Гарри, после тщетного ожидания друга, пришлось идти на грабеж одному.

– Что б тебя разорвало, кретин, – Гарри в сердцах плюнул.

Он встал, взвалил на плечи мешок и снова попытался протиснуться в тесные, входные двери банковского хранилища. Мешок снова застрял. С таким же успехом можно было просунуть скомканную шляпу в узкую щель забора или палец в игольное ушко.

Гарри прекратил бесполезную попытку и, в который раз, попытался развязать узел на мешке. Сто тысяч долларов мелкими купюрами вместо трехсот могли бы вполне устроить знаменитого грабителя. Но с веревочным «замком» Громкого Гарри порой не смог справиться и его хозяин. Гарри не любил когда кто-то из его друзей потихоньку пытался делить добычу без его участия. Разрезать мешок или прожечь плотную, как парусная ткань, мешковину тоже не было возможности. Гарри снова обшарил свои карманы. В левом он нашел записку Одноглазого Вилли.

– Все-таки ты большой сукин сын, Вилли, – простонал Гарри и пнул ногой мешок, превратившийся помимо его воли в самый настоящий сейф.

2.

На улице было темно как в погребке. Из салуна напротив доносились пьяные вопли рейнджеров отмечающих день рождения шерифа.

Гарри осмотрелся по сторонам и осторожно пересек улицу. Здесь было несколько светлее. Наконец, ему удалось заметить чью-то фигуру возле коновязи. Точнее говоря, Гарри увидел сначала сапоги на бочке, которые освещал косой луч света из окна салуна, и только потом низко опущенную шляпу. Человек дремал, скрестив на груди руки.

– Простите, – как можно вежливее сказал Гарри. – У вас случайно нет ножа или спичек? Незнакомец поднял глаза.

«Дьявол меня задери, это же баба», – удивился Гарри.

У женщины было красивое, тонкое лицо и большие глаза. Она с любопытством рассматривала Гарри.

– Так чего у меня нет? – насмешливо спросила молодая женщина.

– Ножа и спичек, – механически повторил Гарри.

– Правильно, – женщина улыбнулась. – Я не ем мяса и не курю.

Гарри пришла в голову мысль о напарнике. Он почесал затылок и уставился на тени за окном салуна.

– Мисс, а вы не хотели бы подзаработать?

– Нет, – в голосе незнакомки зазвучали металлические нотки. – Если вам нужен публичный дом, он напротив управления шерифа.

– Десять тысяч долларов за простую работу, – сказал Гарри.

– Вы сумасшедший? – удивилась женщина.

Гарри сглотнул слюну:

– Десять тысяч долларов наличными. Банк тут рядом, за углом. Мисс, дело уже сделано, но у меня возникли проблемы с тем, как выйти из банка.

– Насколько я вижу, вы все-таки вышли.

– Да, – легко согласился Гарри. – Но вышел только я, а мешок остался в банке. Кстати, как вас зовут, мисс?

3.

Когда-то Гарри был настоящим ковбоем. Но шесть лет назад он благополучно переквалифицировался в грабителя банков. Слава к нему пришла очень быстро, а за умение тихо и быстро обделять любое дельце Гарри получил насмешливую кличку «Громкий». Но Гарри ни разу в жизни не приходилось протискивать мешки с огромными суммами сквозь узкие двери.

– Нужно положить мешок на пол и утрамбовать деньги, – сразу догадалась Мегги. – Тогда он станет плоским как матрас.

У Гарри не было желания спорить с умной женщиной. Скорее наоборот, ухищрения женского ума вселяли в него некоторую уверенность. Мешок с добычей проходил сквозь узкие двери с огромным трудом. Гарри скользил подошвами сапог по полу и был похож на упрямого мулла.

– Чуть влево, – подсказывала сзади Мегги. – Теперь вправо.

Гарри чуть не заржал от огромного напряжения.

– Тяни же, ну, болван!

Гарри рванулся вперед так, что у него потемнело в глазах. В следующую секунду он вдруг с наслаждением почувствовал, что лежит на полу. Сверху на него давил огромный мешок, но это нисколько не уменьшало чувство облегчения Гарри.

Через пару минут напарники уложили добычу на одну из четырех лошадей и тронулись в путь. Мегги лучше знала выходы из городка Нью-Хакет и ехала первой.

«Все-таки жаль, что она красавица, – не без сожаления подумал Гарри, рассматривая женскую спину под тяжелой, мужской курткой. – Уж лучше бы на ее месте был Одноглазый Вилли».

Он опустил руку и дотронулся до холодной как лед рукояти кольца.

4.

Если бы Гарри не везло в трудных ситуациях – а попадал он в них с хроническим постоянством – о нем уже давно написали бы десяток восторженных некрологов. Но легендарная быстрота Гарри частенько могла поспорить с его удачей.

Банду мексиканца Бешеного Мачете Гарри успел заметить первым. Солнце вставало над горизонтом и светило в глаза вооруженным до зубов оборванцам. Форс в две сотни метров, скалистая местность и кустарник, который местные индейцы называли «сотней осиних жал»,

подарили жизнь беглецам. Правда, почти тут же они едва не ворвались на полном скаку в толпу рейнджеров под руководством не совсем протрезвевшего шерифа. Шерифа Нью-Хакета звали Барабан Эндрю. Его идиотские приказы, быстро запутавшие подчиненных, помогли ускользнуть Гарри и его спутнице из-под самого носа разъяренных блюстителей закона.

Крошечная передышка в каньоне с мрачным названием «Улыбка покойника», заставила порядком подуставшего Гарри наконец-то вспомнить о своих умственных способностях. Он набил два пустых мешка подвернувшимся под руку тряпьем и сучьям. Уложив легкую поклажу на свободную лошадь, Гарри сунул в рот трубку и похлопал себя по карманам. Но спичек по-прежнему не было.

– Сейчас ты поедешь туда, Мегги, – Гарри показал рукой на север. – И будешь ждать меня у Трех Скал. А я попробую сыграть здесь в старый преферанс с двумя болванами.

У красавицы Мегги было серьезное лицо. Но Гарри был готов поклясться чем угодно, что там, в глубине ее больших, прозрачных глаз мелькнуло что-то вроде улыбки.

– И не вздумай дурить с деньгами, – Гарри на секунду запнулся и вспомнил, как еще совсем недавно Мегги обозвала его болваном. Гарри не любил обращения «крошка», но на этот раз он прибавил его к своему короткому монологу с особенным удовольствием: – Ты все поняла, крошка?

Искорки в глазах женщины погасли. Гарри сел на коня и потянул за повод лошадь, нагруженную фальшивым грузом. Крутой подъем быстро закончился и Гарри выбрался на равнину.

Слева он увидел группу рейнджеров и толстого шерифа, справа – банду психически неуравновешенного Мачете. Где-то там, впереди маячили смуглые всадники с белыми перьями на головах – местные индейцы.

«Что ж, пусть болванов будет трое, – подумал Гарри и прищипорил коня. – Так даже легче...»

5.

... Мегги лежала возле костра, укрывшись одеялом, и задумчиво смотрела на огонь. Ее огромные глаза светились мягким и теплым светом.

Слезая со взмыленного коня, усталый Гарри споткнулся, и чуть было не упал на мешок с деньгами, брошенный вблизи костра.

– Возле банка ты сказала мне, что у тебя нет спичек, – заметил он.

– Я не знакомлюсь с мужчинами на улице, – нехотя ответила женщина.

– А за десять тысяч наличными? – съязвил Гарри.

Мегги взглянула на лицо напарника. Гарри не выдержал взгляда и сделал вид, что осматривает лошадь.

... Ночью Гарри разбудил вой койотов. Он нащупал свой кольт и освободил руку из-под одеяла.

– Черт, – тихо сказал он.

Мегги спала лежа на спине. В ответ на ругательство Гарри она что-то пробормотала во сне и повернулась на бок.

Гарри встал и подошел ближе. Для того чтобы хорошо прицелиться, ему не нужно было поднимать тяжелый кольт на уровень глаз.

«Чем быстрее, тем лучше», – подумал Гарри и нажал на курок.

Сухой щелчок осечки показался ему громче выстрела. Мегги даже не пошевелилась... Гарри вытер вдруг взмокшее от напряжения лицо и с удивлением заметил, что у него дрожат руки. Он осел на землю и механически быстро перезарядил барабан колты.

«Не могу, – вдруг с ужасом подумал он, рассматривая спокойное и красивое лицо женщины. Кольт медленно опустился на его колени. – Не могу!.. Проклятый Вилли, что бы тебе, подлец, второй глаз выковырнули грязной вилкой».

Гарри бросил оружие и потер лицо руками. Шесть лет назад он попросился со своей подружкой Джоан и пообещал ей привезти весь мир в мешке из-под дешевой кукурузы. Но мир оказался больше мешка и сильнее Гарри. Этот мир усадил его за стол и заставил играть в жестокую рулетку настоящей ставкой в которой была человеческая жизнь. Только сейчас Гарри вспомнил, что у Джоан почти такие же светло-каштановые волосы и огромные глаза. Правда, эти глаза были голубыми и почти по-детски наивными.

«Лучше завтра ночью, – решил Гарри, и ему стало легче на душе. – Потому что днем у нас может возникнуть масса проблем, с которыми трудно справиться одному».

Уснул Гарри очень быстро.

6.

Утром шериф Барабан Эндрю приказал своим ребятам соорудить походную виселицу для неуловимого Громкого Гарри. Вид облегченной конструкции из трех бревен придал шерифу сил и надежды на удачу. Он весело болтал с рейнджерами и строил планы на будущую казнь.

В отличие от шерифа Бешеный Мачете все утро хмуро точил свой самый большой тесак и косился на едва виднеющуюся на горизонте группку индейцев. Краснокожие ребята поставили на холме столб для пыток. Они отплясывали возле него танец несколько похожий на тот, который исполнял сам Мачете, когда приходил в состояние крайнего возбуждения. По прерии ходили слухи, что Громкий Гарри задолжал краснокожим ребятам пару тысяч долларов.

Сам виновник собрания появился сразу после восхода солнца. Его вторая лошадь, нагруженная двумя мешками, весело и легко трусила следом за хозяином. Иногда лошадь останавливалась, чтобы храбро пощипать травки.

Шериф Эндрю рявкнул: «По коням!» Бешенный Мачете не отдавал никаких команд. Он забыл обо всем на свете и вспомнил о своей лошади только тогда, когда заметил что бежит за Громким Гарри в толпе конных всадников. Индейцы, прежде чем пуститься в погоню погрузили столб для пыток на самую резвую кобылу по кличке «Дохлая муха».

Гарри бодро поскакал к центру треугольника, где по его подсчетам должны были пересечься пути всех заинтересованных сторон. Там, в центре, был маленький овражек, густо заросший кустами «осинового жала». Путь через него знал только Гарри и Одноглазый Вилли, который и потерял свой глаз, прокладывая через овраг узкую тропинку.

7.

День близился к концу и уставшее, не меньше Громкого Гарри, солнце уже коснулось горизонта. К удивлению ковбоя-грабителя красавица-спутница встретила его довольно добродушной улыбкой. Уставшего ковбоя ждал сытный ужин из ящерицы и кисет с табаком одного из рейнджеров шерифа Эндрю.

Мегги со смехом рассказала, как ей удалось ускользнуть от отбившейся от общей погони тройки ребят шерифа. Но Гарри хмуро отмалчивался. Закончив с ужином, он лег и укрылся одеялом с головой. Тоскливое чувство ожидания дурного грызло ему сердце...

... Ночью снова Гарри разбудил вой койотов. Он нащупал свой кольт и освободил руку из-под одеяла.

– Черт, – тихо сказал он.

Мегги спала, свернувшись калачиком. Гарри встал и подошел ближе. Женщина чему-то улыбалась во сне.

«Чем быстрее, тем лучше», – подумал Гарри и положил палец на курок. Во рту стало сухо и противно.

«Я все-таки так и не привез Джоан целый мир в мешке из-под кукурузы», – мелькнуло у него в голове.

Гарри вдруг понял, что не сможет выстрелить. Он кусал губы и смотрел на красивое и спокойное женское лицо так, словно искал в нем знакомые и родные черты. Совсем не к месту он вспомнил, что полгода назад ему передали весточку из дома: Джоан, его красавица Джоан, до сих пор так и не вышла замуж.

Сзади треснул сучок и Гарри, не думая, механически нажал на курок. Раздался сухой металлический щелчок... Гарри чуть не закричал от ужаса. Он оглянулся.

Сзади стоял койот и внимательно смотрел на перекошенное лицо человека.

– Собака! – с трудом шевеля губами, прошептал Гарри. – Грязная, подлая собака.

Койот метнулся в сторону и исчез в темноте. Гарри сел и высыпал на ладонь патроны из барабана кольта. Тот, который должен был выстрелить, был с пробитым капсюлем.

«Вчера я вставил на место прежний патрон, – догадался Гарри и тихо засмеялся. – Идиот проклятый!.. Но, Господи, ты все-таки есть».

– Что случилось? – Мегги приподняла голову. Она сонно моргала глазами и смотрела на Гарри.

Гарри весело подмигнул.

– Спи, крошка. Завтра у нас трудный день и надеюсь, что последний. До Миниуйада осталось только сорок миль.

8.

Утром рейнджеры обменяли едва пришедшего в себя после очередного припадка ярости пленного Мачете на своего шерифа. Пленные индейцы использовались при этой сделке в качестве мелкой разменной монеты. Торг, кто кому и сколько еще должен, чуть было не перерос в драку. Пока шериф Эндрю лично колотил визжащего на земле Мачете, индейцы сбежали и прихватили с собой пыточный столб. Драка уже грозила перерасти в грандиозную свалку, но тут на горизонте показался Громкий Гарри. Одиноким ковбой-взломщик не спеша трусил в сторону полноводной Иссури.

Полковник Эндрю вскочил на ноги, и рывкнул еще не успевшим далеко убежать индейцам, чтобы они заходили справа. Идиоту Мачете при помощи полновесного пинка было доходчиво разъяснено, чтобы во время погони за Гарри он заходил слева. Тем не менее, толпа преследователей забыла о планах шерифа, едва только сорвалась с места. Впереди скакал сам шериф на пегой лошади индейского вождя.

Гарри оглянулся и что-то весело крикнул преследователям. Брод на Иссури знал только он и местные индейцы. Но, во-первых, брод выписывал довольно замысловатую кривую, во-вторых, индейцев было слишком мало, чтобы сдерживать на поворотах буйную толпу, и, в-третьих, только вождь индейцев знал несколько слов по-английски. А такие слова как «бледнолицая бешеная собака» или «меловая морда» мало чем могли помочь на трудной и торопливой переправе.

9.

Ночь была тихой и звездной... Гарри смотрел на огонь костра и думал. Когда рядом раздавался вой койота, он хмурил лоб и шептал тихие проклятия.

– Почему ты не спишь?

Гарри вздрогнул и посмотрел на Мегги. Женщина улыбалась. В эту секунду она была удивительно похожа на Джоан.

– Я думаю, – неохотно проворчал в ответ Гарри.

– О чем?

– Какая разница о чем? – он лег, используя в качестве подушки мешок с деньгами. – Три месяца назад, в Канзасе, я пристрелил трех ребят. Но у меня не было другого выхода.

– Почему?

– Потому что мы играли в карты. Они приняли меня за кретина, которого можно запросто ободрать до нитки.

– У человека всегда есть другой выход.

– Какой?

– Например, ты мог не играть.

– Пожалуй, это не выход, а вход, – Гарри усмехнулся. – Только кто знает, где начинается этот вход? Возле карточного стола, у дверей салуна или еще раньше, когда ты получаешь в банке свои последние десять долларов и вдруг замечаешь, что на окне плохо закреплена решетка?

Гарри немного помолчал, рассматривая звезды.

– Когда я был маленьким, бабушка как-то раз водила меня и крохотную соседскую девочку Джоан в самый настоящий цирк. Знаешь, чего тогда мне хотелось больше всего на свете? Как можно быстрее пройти двери. Потому что там, за ними, нас ждал огромный и сказочный мир... И только потом, когда я вырос, я узнал, что фокус это не волшебство, а простая ловкость рук. А слоны и тигры выполняли приказы дрессировщика только потому, что до ужаса боялись его плети. Мир слишком жесток для чуда, Мегги.

Гарри на секунду закрыл глаза, а когда снова открыл их, звезды странно изменились. Они, словно плавали в чистой воде и их длинные, перекрещивающиеся лучи переливались всеми цветами радуги.

– Спи, Мегги, – хрипло сказал Гарри. – Нам повезло, и мы все-таки прошли свою дорогу.

10.

Со стороны Рыжего Каньона городок Миниуйад был виден как на ладони. Он был похож на тихую большую деревушку, заросшую садами.

– Ты женщина и тебя никто не ищет, – Гарри старался не смотреть на свою спутницу и поправлял узду лошади. – Тебе легко удастся сесть на поезд до Балтимора.

– А ты?

– Я ухажу... Мне в другую сторону, – Гарри протянул повод лошади нагруженной добычей женщине. – Возьми, это все тебе.

И без того большие глаза Мегги стали просто огромными.

– Все? – удивилась она.

– Все. И еще это... – Гарри высыпал на женскую ладошку шесть патронов. – В общем, я хочу сказать тебе, что... – Гарри почесал переносицу. – Черт! Ты все равно ничего не поймешь. Но мой тебе совет, никогда больше не связывайся с плохими ребятами. Это не безопасно. А теперь мне пора.

Гарри вскочил на своего коня и быстро поехал прочь. Возле поворота он оглянулся.

– Послушай, Мегги, – улыбка Гарри была очень похожа на счастливую, – у тебя случайно нет пустого мешка из-под кукурузы?

– Зачем он тебе?

– Я хотел бы сшить из него куртку.

11.

Мистер Джон Пласскетт и его старый друг Билли Ларсен не спеша, пили коньяк и ждали. Иногда мистер Пласскетт поглядывал на огромный, грязный мешок перед камином и растерянно улыбался.

– Если честно, то я тоже не могу удержаться от идиотской улыбки, – признался Билли Ларсен. – Скажи мне, Джон, за каким чертом ты поспорил с этой красоткой, что ей удастся доставить такую кучу долларов из твоего банка в Нью-Хакете, сюда в Миниуайд?

Джон Пласскетт пожал плечами.

– Я не знаю, дружище... Может быть, мне просто стало скучно в дороге, а может быть, эта женщина оказалась слишком красивой для того, чтобы я, как последний болван, сидел и молча любовался пейзажами за окном вагона.

– Ты сильно рисковал.

– Я рисковал? – удивился Джон. – Чем, Билли? Шериф Эндрю поклялся съесть собственную шляпу, если деньги пропадут.

– А Бешеный Мачете?

– Этот бедняга глуп, как старый мул. Если бы ему удалось захватить деньги, он наверняка поспешил отделаться от своей банды. А взять его с деньгами в одиночку смог бы даже я. Правда, я не учел того, что этой удивительной женщине удастся провести самого Громкого Гарри. Но тут уже рисковала только она одна.

В зал вошел рослый, похожий на отставного генерала, лакей.

– Мисс Мегги Браун, – подчеркнуто правильным английским доложил он. – Изволите принять?

– Изволит, изволит, – пробормотал Билли Ларсен, прежде чем опрокинуть в рот остатки коньяка.

На Мегги Браун было простое дорожное платье и шляпка. Но даже этот скромный костюм подчеркивал ее изящество и женственность.

– Ваш чек, мисс, – Джон Пласскетт положил на стол тонкий, длинный лист бумаги. – Вы просто великолепны. Когда я смотрю на вас, я совсем не думаю о том, что стал беднее на десять тысяч долларов.

Билли Ларсен тоже не без удовольствия разглядывал гостью. Женщина положила в сумочку чек и улыбнулась двум мужчинам за столом.

– Скажите, а как вам удалось... – начал было Билли.

– Да, действительно, – перебил друга Джон. – Нам было бы очень интересно услышать о ваших приключениях.

Вместо ответа женщина выложила на стол нож, кисет с табаком и коробок спичек. Следом за ними с тихим стуком высыпались шесть патронов для кольта.

Кресла скрипнули и мужчины склонились над столом.

– Нож Громкого Гарри, – сказал Билли Ларсен, дотронувшись пальцем до его лезвия. – Насколько я понимаю, кисет, спички и патроны то же его. Гм!... Не сомневаюсь, что вы, мадам, позаимствовали эти вещи без согласия хозяина, – Билли поднес ближе к глазам один из патронов и близоруко прищурился. – Блестяще, черт бы меня побрал! Мне знаком этот фокус. Посмотри, Джон, ты видишь этот характерный налет на меди? Он образуется после того, как патроны долго кипятят в воде.

– Зачем?

– Затем, что потом скорее выстрелит палка, чем один из них. Короче говоря, Громкий Гарри был безоружен как младенец, – Билли откинулся на спинку кресла и расхохотался. – Об остальном я могу только догадываться. Вы круто провели этого парня, мисс. Гарри, конечно, умер?

– Нет, – коротко ответила Мегги. Она немного подумала и добавила: – Но Громкого Гарри больше не существует.

Улыбка медленно сползла с лица Билли Ларсена, а нервно дернувшаяся вверх губа обнажила золотой зуб.

– Как это нет? Тогда почему... – Билли с нескрываемым изумлением смотрел на спокойное лицо женщины. – Тогда почему все деньги оказались у вас, мисс?

– Простите, но мне пора, – Мегги чуть заметно улыбнулась. – И я не думаю, господа, что вы сможете что-то понять, даже если бы я и рассказала вам все.

– Но хотя бы в двух словах.

Женщина на секунду задумалась.

– Видите ли, в чем дело, – медленно заговорила она. – В любом человеке, пусть даже в самом отпетом негодяе, все-таки есть хорошее... Очень хорошее. И порой человек способен заплатить любые деньги, лишь бы узнать об этом.

Мегги замолчала.

– И это все? – удивляясь еще больше, спросил Билли Ларсен.

– Да, – Мегги кивнула. – А теперь прощайте, господа.

Мужчины долго рассматривали захлопнувшуюся за необычной гостьей дверь.

– Ты что-нибудь понял, Джон? – наконец спросил Билли Ларсен.

– Нет, а ты?

– Признаться, мое понимание того, что случилось с этой прекрасной женщиной чем-то очень похоже на забытую всеми химеру совести, – Билли потер лоб, собираясь с мыслями. – Кстати, Джон, ты бы согласился заплатить любые деньги, за то чтобы узнать о себе что-то хорошее?

Прежде чем ответить мистер Джон Пласскетт посмотрел на мешок у камина.

– Все хорошее я знаю о себе сам, Билли, – ледяным голосом сказал он. – А когда мне потребуется узнать больше, я куплю десяток журналистов.

– Что ж, если так... – Билли попытался улыбнуться, но передумал. Он хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и резко встал. – Пожалуй, мне тоже пора. Увидимся завтра в банке. Нам нужно уладить с тобой кое-какие дела.

Оставшись один, мистер Джон Пласскетт допил коньяк и подошел к окну. Он долго смотрел на улицу и вспоминал удивительно красивое лицо гостьи.

Возвращаясь к камину, Джон споткнулся о мешок с деньгами.

– Черт! – громко выругался он и пнул мешок ногой.

Удар получился не очень удачным и полупьяный Джон едва не упал.

Через пару минут на шум в зале заглянул лакей. Мокрый от пота мистер Джон Пласскетт колотил ногами огромный мешок возле камина и то и дело приговаривал: «Черт!.. Вот черт!.. Черт!!»

Лакей глупо усмехнулся и тихо закрыл дверь.

Цирк Абигайль

Посвящается Ирине Владимировне Калус.

С улыбкой и поклоном

1.

Шериф Гарри Хепберн курил возле окна. С высоты третьего этажа гостиницы цирковая палатка-шапито на центральной городской площади казалась ему брошенной впопыхах грудой старого брезента. Лужи подступали к шапито вплотную. Обвисшая по периметру палатки веревка с разноцветными флажками выглядела как вывешенное для просушки мелкое, мокрое белье.

«Честное слово, нелепость какая-то, – с ноткой раздражения подумал Гарри. Он выдохнул струйку дыма в стекло, и палатка за окном растворилась в сером тумане. – Не хватает пары худых собак, пегой лошади и добропорядочный Фениган превратится в оккупированное женщинами индейское стойбище».

Дым перед носом Гарри редел, но из него так и не появились ни собаки, ни пегая лошадь.

Чарли Хепберн сидел перед столом в кресле-качалке и не менее внимательно, но с добродушной улыбкой, изучал нахмуренное лицо младшего брата Гарри. Кресло слегка покачивалось и издавало приятный, домашний и едва слышимый скрип.

– Там лужа, – наконец сквозь зубы и, не вынимая изо рта трубки, сказал Гарри.

– Где?

– Я имею в виду «озерцо» возле входа в этот дурацкий цирк. Никто не попытался сделать ее меньше или положить доски. Вывод напрашивается сам собой, Чарли, в цирк никто не ходит.

– Он закрыт уже три дня, – подтвердил Чарли.

Очередная пауза получилась такой же длинной, как и предыдущая. Трубка Гарри Хепберна выдала новое густое облачко. Он оторвал взгляд от шапито и посмотрел на брата.

– А зачем ты вообще пустил этот балаган в свой город, Чарли?

Чарли понимающе кивнул, и его простодушная улыбка стала шире:

– Действительно, зачем? – он пожал плечами. – Но дело в том, Гарри, что, во-первых, неделю назад меня не было в городе, а, во-вторых, в тот день наш добрейший мэр выдавал замуж старшую дочь. Мэр был пьян как последний сапожник и запросто мог открыть Фениган не только перед шайкой оборванцев, маскирующихся под клоунов и канатоходцев, но даже перед вооруженной мачете мексиканской бандой. Честно говоря, все произошло случайно.

– Честно! – скептически усмехнулся Гарри. – Ты как всегда удивительно правдив, Чарли.

В глазах Чарли Хепберна снова блеснули веселые, но теперь уже откровенно насмешливые искорки, и это едва не вывело Гарри из себя. Он не выдержал взгляда брата, сердито плюнул на пол и снова уставился в окно.

Шерифа Фенигана Чарли Хепберна многие (и даже отпетые бандиты) с чистой совестью называли «Честным Чарли», а вот его брата Гарри, шерифа соседнего Нью-Ричмонда, очень редко «Умным». А даже если это и случалось, то к вышеназванному прилагательному частенько предшествовало обидное «за». Недавним, то есть совсем свежим, гонителем «Заумного» Гарри оказался пастор Майкл Рич из прихода Святого Якова в его же городке. Их публичный спор на порожках церкви «о природе вещей» выиграл пастор и во многом благодаря непонятной фразе, что Гарри Хепберн «обладает схоластическим воображением варвара лишь маскирующимся под прогрессивное американское мышление». Оправдание Гарри Хепберна, что, мол, пасторское неприятие его научной точки зрения на мир легко объяснить его верой в теорию Чарльза Дарвина, мягко говоря, прозвучало не убедительно. Местным ковбоям и фер-

мерам было незнакомо имя английского натуралиста, а Джордано Бруно (который, по уверениям Гарри, был сожжен на костре по навету католической церкви), как вскоре выяснилось, жив и работает в соседнем штате перегонщиком скота. Но Гарри Хепберн все-таки неплохо справлялся со своими обязанностями шерифа, а его умению заходить в тыл бандитам иногда завидовал даже его старший брат Честный Чарли. Изогранный, но не понятый согражданами ум Гарри, хотя и порождал множество неприятностей для своего хозяина, время от времени все-таки здорово выручал его, хотя они оба – и Гарри, и его ум – так и не научились терпеть даже легкие ироничные подковырки.

Была и еще одна причина обидчивости Гарри Хепберна на своего старшего брата, но о ней никто и никогда не говорил вслух. Дело в том, что благодаря близкому родству Гарри и Чарли были очень похожи, но младший брат представлял собой уменьшенную, и если уж быть откровенным до конца, и не совсем точную (в смысле художественной ценности) копию брата. Чарли Хепберн был гораздо выше ростом, шире в плечах и даже морщинки на его обветренном лице выглядели куда более мужественными, чем на полной физиономии Гарри, тем более что на последней их почти не было видно. Громкий голос Чарли был чист, силен и спокоен даже в критические минуты, а вот голос Гарри, склонный к ноткам задумчивой рассудительности, частенько звучал тускло и невыразительно, а в вышеупомянутые драматические минуты (хотя бы в перестрелке) даже визгливо. Самые заурядные физические движения братьев – походка, движения рук, поворот головы – были сходны примерно так же, как если бы рядом друг с другом двигались два льва – большой и маленький. Если бы не было большого, маленький лев вполне сошел за настоящего, но беда Гарри Хепберна как раз в том и состояла, что от Нью-Ричмонда до Фенигана было всего двадцать миль, то есть по человеческим понятиям, братья шли по жизни рядом.

Кресло-качалка под крупным телом Чарли громко и протестующее пискнуло.

– Ладно, мы говорим не о том, Гарри. Послушай, меня, брат... – мягко начал было Чарли.

– Короче, пожалуйста, – почти не разжимая губ и по-прежнему глядя в окно, буркнул Гарри.

– Ну, во-первых, не сердись, хорошо? Во-вторых, я позвал тебя для того, чтобы поговорить о серьезных делах. И, в-третьих, – прости меня, пожалуйста, – но ты гораздо лучше сообщаешь, если кто-то или что-то задевает твоё самолюбие.

– Ты пытаешься объяснить мне свою идиотскую ухмылку, которая уже пять минут красуется на твоей физиономии, Чарли?

– Только отчасти. Понимаешь, Гарри, иногда человеку трудно осознавать свою глупость в одиночестве и он поневоле ищет себе компаньона. Совсем недавно в нашем старом и добром Фенигане произошла одна такая штука, что... – Чарли замолчал. Он вдруг щелкнул пальцами и весело рассмеялся: – Черт бы меня побрал, Гарри, но я до сих пор не верю, что это наконец-то случилось. Представляешь, мне удалось сцапать Эрла «Койота».

Гарри оглянулся и с удивлением посмотрел на брата:

– Живого Эрла «Койота»? – переспросил он.

Чарли кивнул:

– И этот гаденыш явился ко мне сам. Точнее говоря, он пришел в город за деньгами к старику Энтони Розано, но как раз в то же самое время и я решил зайти к старому ростовщику в гости. Причем на час раньше и с двумя своими ребятами. Так что все трюки Эрла: прыжки в сторону, пальба на лету и метание ножа ему не помогли. Но тут дело даже не в том, что мы так ловко устроили засаду, а в том, что «Койот» все-таки решился зайти к Розано. Вот в чем главный фокус, Гарри, и вот почему сейчас я чувствую себя последним глупцом!

Чарли замолчал, с улыбкой глядя на брата.

«Нам обоим уже за пятьдесят, но мой братец, до сих пор считает себя не только старшим, но и более умным даже когда делает вид, что рассказывает о своей глупости», – подумал Гарри.

Вслух он спросил:

– Ты ждешь вопроса, в чем был так называемый «главный фокус», и какая именно глупость помогла тебе в деле с Эрлом?

Чарли низко нагнул голову и почесал затылок. Когда он поднял ее, улыбки на лице уже не было.

– Вообще-то, да, братец, я ждал именно такого вопроса. Мне хотелось заинтересовать тебя, но как я погляжу, ты слишком серьезен. Понимаешь в чем дело, если глупость, о которой я говорил, полностью принадлежит мне, то ловушку, в которую угодил «Койот», придумал совсем не я. Мне помогла ее устроить мисс Абигайль Нортон. Она работает в цирке, на который ты глазеешь.

– Кем работает? Причудницей-иллюзионисткой, что ли? – презрительно улыбнулся Гарри.

– Не только и не столько. Во-первых, Гарри, Абигайль Нортон не акробатка и не фокусница, хотя, я уверен, она хорошо разбирается в таких штучках. Во-вторых, она руководит этим цирком, а это говорит и об ее уме и силе характера, ведь карлики-шуты это только видимая часть тех уродцев, которые в нем работают. Например, в ее цирке есть силач – огромный верзила, но склонный к чисто женской истерике. Там есть пара клоунов, которых поймали за воровством в первый же день их приезда в наш городок и бывший профессор математики, который умеет не только перемножать в уме пятизначные цифры, но и выпить за один присест две дармовые бутылки виски. Я уже не говорю о плачущей по любому наезднице или о братьях акробатах, которые могут устроить драку в баре по любому поводу и даже без него. Но Абигайль Нортон может учитывать все эти мелочи и ее цирк работает.

Гарри пожал плечами.

– А какое отношение все это имеет к тому, что Эрл «Койот» наконец-то закончил свою койотскую карьеру?

– Самую прямую. Дело в том, что мисс Абигайль Нортон умеет считать, Гарри. Тут, наверное, было бы уместнее сказать рассчитывать или просчитывать чужие поступки, но мне нравится именно это слово – считать. Она очень ловко, словно рисуя слова на песке, создает те или иные обстоятельства, а потом, уже складывая их в единое целое, получает нужный результат.

– И как же добропорядочной мисс, работающей с цирковыми уродцами, удалось заманить Эрла к старику Розано?

– Долго рассказывать. Когда-нибудь мы выпьем с тобой, и ты здорово посмеешься над той штукой, которую она придумала. Но иногда обстоятельства, о которых я только что говорил, могут быть сильнее даже такой женщины, как мисс Абигайль. В данный момент два акробата и истеричный силач сидят в комнате для заключенных за очередную драку и мисс Абигайль Нортон хочет их оттуда вытащить. Ты понимаешь?.. Эта женщина кое-что должна мне и, как бы мне не было стыдно, я очень этому рад.

– Что же ты не отпустил циркачей в уплату за «Койота»?

– Если так можно выразиться, я расплатился с мисс Абигайль Нортон профессором математики, который разбил пустой бутылкой голову Джо Рейкеру, а, кроме того, я вспомнил о тебе, Гарри. До меня дошел слух, что если в самое ближайшее время ты не справишься с бандой Гейра Кинга, уже через месяц добропорядочные граждане Нью-Ричмонда отнимут у тебя значок шерифа.

Гарри Хепберн медленно отошел от окна, медленно приблизился к столу и медленно сел. Какое-то время он молча и с недоверием рассматривал лицо старшего брата.

– Слишком много слов, – наконец сказал Гарри. – Я ни за что не смогу поверить, что какая-то дамочка умудрилась устроить ловушку самому Эрлу «Койоту». Кстати, мэр вашего

Фенигана убежденный баптист-трезвенник и никто никогда не видел его пьяным. А что не менее важно я лучше тебя знаю, Чарли, что происходит в моем городке.

Кресло-качалка наклонилась вперед, и Чарли Хепберн положил на стол огромные руки. Следы некоей растерянности (которую автор этих строк если и не придумал, то, вполне возможно, спутал с каким-то другим чувством) исчезли с его лица, и оно стало серьезным и строгим.

– В этом, в твоём неверии, вся твоя беда, Гарри. Ты слишком часто пытаешься объяснить наш мир, который частенько превращается в безалаберный цирк, какими-то научными законами. Твое несчастье в том, что ты не обращаешь внимания на смешные мелочи. Оглянись вокруг, например, кому нужна моя, возведенная в абсолютную степень идиотская честность, как ни тем людям, которые способны на жульничество? И это ли не цирк, Гарри?.. Ведь я не стою рядом и не держу человека за руку, но он вдруг спрашивает себя, а что скажет Честный Чарли, когда сцапает меня за шиворот из-за вороха чужого белья? Знаешь на что все это похоже?.. На нарисованные на песке слова или некие цифры воображаемых обстоятельств. А потом кто-то (не хочу упоминать вслух его имя, Гарри) стирает несказанные слова и человек – в общем-то, добрый и явно неплохой малый – вдруг становится способным перерезать глотку ближнему уже не ради кучи белья, а ради пары глотков виски. Любой цирк умеет быть жестоким, Гарри. Правда, совсем недавно я поверил и в то, что самый жестокий цирк можно превратить в смешную клоунату...

Гарри попытался что-то возразить и даже поднял руку, но Чарли ловко перехватил ее и прижал к столу.

– Хватит спорить, Гарри, и перейдем к существу дела, братец. Во-первых, мисс Абигайль Нортон действительно помогла мне поймать Эрла «Койота» и я – Честный Чарли – даю слово, что это правда. Во-вторых, наш добропорядочный баптист-мэр и в самом деле кристальный трезвенник. Но он отдал замуж тридцати двух летнюю дочь, не отличающуюся ни красотой, ни добрым нравом и от этого отцовская радость на один вечер превратилась в цирковой фейерверк. Что же касается дел в твоём городке, то поверь мне, Гарри, у меня есть в нём кое-какие свои интересы, в виде старых долгов. Так что нет ничего удивительного в том, что я знаю, чем закончатся очередные выборы шерифа в Нью-Ричмонде.

Гарри Хепберн не без труда вырвал руку из стальной ладони брата.

– Из всего сказанного, я верю только в твои интересы, – холодно сказал он. – Но я ни за что не поверю в то, что жители Нью-Ричмонда и фермеры из Большой Долины решили устроить кровавую драку с бандой Гейра Кинга.

Чарли замотал головой:

– Не так, Гарри, не так!.. Я не говорил о драке. Я сказал, что если ты – ты сам! —не справишься с бандой, тебе придется распрощаться со значком шерифа.

– Иными словами я и мой помощник Макс Финчер – вдвоем – должны перестрелять банду из тридцати человек?

– Да. И я отлично понимаю, что, к сожалению это невозможно. Но возможно другое, нужно устроить все так, что бандиты Гейра Кинга перестреляют друг друга.

Гарри поперхнулся табачным дымом, и едва справившись с кашлем, расхохотался. Под его подбородком собралась толстая складка кожи, глаза обессмыслились, а скулы, казалось, стали вдвое шире. На какое-то мгновение Чарли удивился своей всегдашней и искренней любви к брату, но потом верх взяла жалость.

– Ну, и как же ты все это представляешь, Чарли?

Чарли потер лоб и вздохнул.

– Я долго и давно думал об этом, Гарри. Честно говоря, мне никогда не нравилась твоя теория «разумного терпения» в отношении рэкетира Гейра Кинга. Проще всего было бы устроить засаду в рощице возле горы «Святоши Джо». Но мерзавец Гейр всегда берет с собой трех

фермеров. Если эта деревенщина не станет палить в ответ в меня и моих ребят, Гейр тут же возьмет их в заложники.

– Подожди, а как ты собрался остановить дилижанс Гейра?

Чарли пожал плечами.

– Ну, как-как... А как его еще можно остановить, если не поваленным на дорогу деревом?

– Хорошо, – кивнул Гарри. – Допустим, поваленное дерево. Внутри дилижанса сидит Гейр тремя своими парнями. Сумку с деньгами он держит на коленях. Снаружи двое фермеров правят лошадьми, а третий сидит на запятках. В кого ты будешь стрелять, Чарли?

– Гейр и его ребята должны будут выйти из дилижанса, чтобы убрать дерево.

– В роще, возле горы «Святоши Джо», нет такого дерева, которое не смогли бы поднять трое взрослых мужчин. А фермеров как раз трое. Если же дерево окажется слишком большим и толстым, Гейр сразу поймет, что это засада. Он даже поймет, что это сделал ты, Чарли. Ни один другой бандит и шериф в радиусе двухсот миль не захочет связываться с Гейром из-за денег отнятых у фермеров под благовидным предложением их защиты.

Чарли потер уже не лоб, а квадратный подбородок.

– Ладно!.. Согласен, что устраивать перестрелку сразу не очень умно. Но тогда я спущусь вниз и потребую, чтобы Гейр вышел дилижанса. Ордер на право обыска в своем округе ты мне, надеюсь, обеспечишь.

– Ордер не проблема. И, конечно же, ты найдешь в дилижансе сумку с деньгами. Но фермеры ни за что не признаются, что ежемесячно платят дань бандитам, а те никогда не признаются в вымогательстве.

– Есть еще один шанс. Между джентльменами и бандитами... как бы это точнее выразиться?.. в общем, между ними слишком большая разница во взглядах на жизнь.

– Ты имеешь в виду спровоцированную ссору и драку? Но это будет уже не стрельба из засады. Вы будете стоять лицом к лицу, Гейр отлично стреляет и пара твоих ребят, Чарли, могут запросто отправиться на тот свет. Кроме того, ты сам рискуешь больше всех. Первая же пуля Гейра будет предназначена тебе.

– Плевать! – повысил голос Чарли. Его лицо покраснело, а глаза вдруг стали прозрачными и пустыми. – Лишь бы добраться до этого вонючего скунса Гейра, а там, дальше...

– А там дальше тоже ничего не будет, – оборвал брата Гарри. – В лучшем случае ты пристрелишь Гейра и его ребят, но останутся еще три десятка бандитов, которые устроят налет на мой город. Я хорошо знаю, что двоюродный брат Гейра Беспалый Джим явно не дружит с головой. Он мстителен, как раненная гадюка, и устроить резню для такого типа – просто очередной праздник.

Чарли откинулся на спинку кресла. Пока кресло раскачивалось вперед-назад, шериф Фенигана рассматривал потолок. Постепенно его лицо успокоилось, а в глазах появился прежний живой блеск.

– В сущности, если действовать по-моему плану, все может произойти именно так, как ты и говоришь, Гарри, – согласился он. – Но мне жаль моих ребят, жаль простаков-фермеров из Большой Долины и поэтому нам поможет мисс Абигайл Нортон. Не удивляйся, но я и она уже были возле горы «Святоши Джо». Милая женщина, как и я, тоже сочла это местечко удачным для засады, а это значит, что я не так уж и глуп. Для того чтобы составить план дальнейших действий, мисс Абигайл Нортон нужна была информация и – извини, Гарри! – я рассказал ей все что знал.

Гарри криво улыбнулся.

– А что, собственно, ты знаешь?

– Ну, хотя бы то, что ты каждый месяц ты караулишь дилижанс Гейра Кинга. Ты опасешься, что я все-таки устрою засаду и торчишь на горе «Святоши Джо» со стороны дороги. Еще я рассказал мисс Абигайл все о твоём помощнике Максе Финчере и Джоан...

– А при чем тут Финчер и Джоан? – резко удивился Гарри.

– Притом, что два раза ты уже брал девочку с собой. В последнее время ты не спускаешь с Джоан глаз. Ты предпочитаешь разменять пять часов без твоего присмотра на небольшой риск для Джоан на горе «Святоши Джо», – в голосе Чарли промелькнула и тут же исчезла виноватая нотка. Он отвел глаза от лица брата и уставился в окно.

Удивление Гарри Хепберна вдруг стало неприятным, ноющим и похожим на боль.

– Повторяю, при чем тут наша шестнадцатилетняя племянница Джоан, Чарли? – жестко спросил он.

– Все дело в том фокусе, который собирается показать Гейру Кингу мисс Абигайль Нортон, Гарри. Если из сумки, которую везет Гейр Кинг, исчезнут деньги, его банда развалится с большой стрельбой и уменьшится на две трети. Заметь, я не говорю о том, что должна пропасть сумка, должны исчезнуть именно деньги. Это и станет поводом к потасовке, в которой вряд ли выживет и Гейр Кинг, и его братец Беспалый Джим. Ребята из банды Кинга ни за что не поверят, что деньги пропали и начнут качать свои бандитские права...

Гарри стукнул ладонью по столу.

– Стоп! А как ты себе все это представляешь? Уж, не так ли, что по дороге едет дилижанс, его вдруг останавливает малышка Джоан, а потом она молча лезет за деньгами в сумку к бандиту?

– Конечно, не так, Гарри. Мисс Абигайль пообещала мне, что бандиты не приблизятся к Джоан ближе, чем на тридцать шагов...

– На сколько?! – вскрикнул Гарри.

– На тридцать шагов, – повторил Чарли. – Но деньги все равно окажутся у Джоан, – в его голосе появилась нотка неуверенности. – Вспомни, Чарли, там, у «горы Святоши» растет довольно густой кустарник... И, в общем... Как это?... Если с горы видна вся дорога, то с самой дороги, если сделать пять шагов в сторону, не видно даже здоровяка вроде меня. Наша девочка, как никакой другой человек, может незаметно подойти и уйти от... – Чарли сбился окончательно и на его лице вместо легкого румянца вдруг выступили красные пятна.

– Продолжай, – усмехнулся Гарри. – Во-первых, незаметно подойти к чему?... К дилижансу с бандитами? Хорошо, допустим. Во-вторых, Джоан действительно уникальная девочка. Но ответь мне, братец, как она сможет незаметно уйти с деньгами, которые вытащит из сумки на глазах Гейра Кинга, пусть даже если потом, по воле Божьей и за одно мгновение, она вдруг окажется в тридцати шагах от него?

– Мисс Абигайль сказала... – Чарли Хепберну пришлось сглотнуть большой ком в горле, он подавился им и закашлялся. – Мисс Абигайль сказала, что Джоан сможет спокойно уйти, потому что...

Чарли Хепберн снова замолчал.

– Почему, Чарли?

– Потому что в это время бандиты будут смотреть в другую сторону. Пойми, я же не идиот, Гарри! Но я своими глазами видел, на какие фокусы способна мисс Абигайль Нортон. Понимаешь?... Я видел! И у нас есть целых шесть дней. Пока Гейр Кинг будет пьянствовать с проститутками в Литл-Сити, у нас с тобой и мисс Абигайль есть время, чтобы устроить ему хорошую ловушку.

– А я не верю в цирк и дурацкие, а, точнее говоря, в немыслимые ловушки, Чарли, – оборвал Гарри. – Поэтому я даже не буду тебя спрашивать, почему деньги у бандитов должна взять именно Джоан, откуда возьмутся тридцать шагов ее невероятной форы, и почему бандиты будут смотреть в другую сторону.

Утреннее солнце, прикрытое дымкой розовато-бледных облаков, не рождало теней. Но дымка постепенно редела и соломенная крыша на хижине «Святоши Джо», выплывая из серой мглы, постепенно становилась желтой, грязной и старой. Казалось, что пространство перед покосившимся домиком проясняется не потому, что восходит солнце, а потому что сама по себе тает тьма.

Двое у костра были заняты каждый своим делом.

– Мне не нравится это утро, Макс, – сказал пожилой, седоволосый человек в кресле-качалке у костра. Он курил рубку и, шурясь, рассматривал восход через слоистый табачный дым. – Во-первых, в нем все слишком размыто, а, во-вторых, неопределенно и независимо до раздражения. Если бы я был Богом, я убрал все это, – человек описал большой круг трубкой в воздухе и перечеркнул его резким движением руки вниз, – и нарисовал что-нибудь другое. Например, веселенькое голубое небо и легкомысленные облачка.

Второй человек сидел рядом на корточках и шевелил прутиком угли костра.

– Зачем? – коротко спросил он.

– Формы и краски должны иметь четкий и прямой смысл, Макс.

– Но формам и краскам не обязательно предсказывать дневную погоду.

– Тогда зачем они?

Прозрачный столб дыма костра качнулся в сторону. Человек, которого называли Максом, закашлялся и раздраженно пробурчал:

– Идите к черту, Гарри Хепберн! Вы не умеете ни рисовать, ни предвидеть погоду, ни даже стрелять.

Гарри снисходительно усмехнулся в ответ:

– Месяц назад я попал в индейца Хакуа.

– А он попал в вас.

– Почти попал, потому что царапина не в счет, – поправил своего помощника Гарри. Он выпустил облачко дыма, но не вверх, а в сторону Макса. – А сегодня вы оба, ты и Джоан, злитесь на меня не потому что я плохо стреляю или не умею рисовать. Молодым людям свойственно недолюбливать разумный порядок в делах.

Макс Финчер промолчал. Сидеть на корточках было не очень удобно, и он стал на одно колено. Движение получилось неловким, прут в его руках неуклюже ткнулся в кофейник, покоящийся на трех камнях и тот едва не опрокинул его в огонь.

– Вот дьяволыщина, – пробормотал Макс.

Пытаясь спасти кофейник от катастрофы, он обжег руку. А секундой позже, сунув в рот обожженные пальцы, Макс забыл о пруте и едва не угодил горящим концом в глаз.

– Ты как ребенок, Макс.

– А вы как Бог, да?

Движение возле костра привлекло внимание смуглой девушки в наброшенной на плечи грубой мужской куртке. Она сидела на пороге хижины и что-то рисовала на песке, по-детски прикусив нижнюю губку. Подняв голову, она вопросительно взглянула сначала на Макса Финчера, а потом на Гарри. Макс показал девушке открытую ладонь и сжал ее, оттопырив вверх большой палец. Беспокойство в глазах юной леди исчезло, и она снова склонила голову над рисунком.

– Знаешь, Макс, все-таки логика удивительная штука, потому что именно она создает порядок, – с начальственным спокойствием возобновил диалог Гарри Хепберн. – А умение пользоваться ей отличает человека от обезьяны. Например, ты можешь мне сказать, почему этот чертов пьяница «Святоша» Джо выбрал для своей хижины именно эту горку и именно этот плоский пятачок на ее склоне?

Макс пожал плечами:

– А зачем мне знать, о чем думал покойник?

– Все дело в логике, а не в покойнике, мой друг. Логика дает возможность человеку заглянуть в будущее, а предсказуемость событий дарит ему уверенность в себе. Теперь оглянись по сторонам... – шериф завожился в кресле, привстал и ткнул трубкой направо. – Смотри, во-первых, отсюда, с этого чертова «пятачка», как из гнезда стервятника, отлично видно дорогу в наш Нью-Ричмонд. Я не сомневаюсь, что «Святоша» частенько сидел именно тут, и посматривал на дорогу. Во-вторых, его самого было отлично видно снизу, и когда Джо спускался вниз, чтобы выпросить пару монет у пассажиров, решивших сделать у развилки пересадку в Финниган или Литл-Сити, он предусмотрительно махал им рукой. Разумеется, это нельзя было бы назвать приветствием, но кое-кто мог неправильно понять намерения нищего пьяницы и схватиться за свой «кольт» если бы Джо выбирался на дорогу без предупреждения.

Макс какое-то время молча и безразлично рассматривал дорогу внизу, мост через Индейский ручей и перекресток дорог за ним.

– Это был довольно скудный бизнес для опытного проходимца.

Трубка шерифа пыхнула жидким дымком.

– Джо приторговывал еще кое-чем...

Гарри Хепберн выбил свою трубку о подлокотник качалки и достал кiset с табаком. Макс вопросительно смотрел на шерифа. Кресло-качалка сделала пару движений вперед-назад и замерла.

– Видишь ли, в чем дело, Макс... Ответ ты знаешь сам, просто ты пренебрегаешь логикой и не обращаешь внимания на местную географию. Если скакать напрямую от хижины Джо в наш добрый Нью-Ричмонд, туда можно попасть значительно раньше дилижанса. Сколько у нас ушло на дорогу сюда?

– Около часа.

– А дилижанс, огибая гору, плетется больше двух. Теперь понимаешь?

– Пока нет.

Шериф закончил возиться с табаком, спрятал кiset и принялся раскуривать трубку. Табак оказался сырым, Гарри Хепберну пришлось потратить три спички.

– Поясняю для бестолковых. Старый мерзавец Рыжий Айк Деверо ровно в десять утра, каждый день, идет в салун напротив железнодорожного вокзала. Там он прячется за шторой, сосет виски и смотрит на приезжающих в Нью-Ричмонд пассажиров. Как ты думаешь, почему он делает это?

– Наверное, Айк кого-то ждет и не хочет, чтобы его видели. Возможно, Айк ждет врага.

– Правильно. С другой стороны, Айк не может быть сразу в двух местах – в салуне напротив железнодорожного вокзала и на Старой площади, куда прибывают дилижансы. Я уверен, что он смог договориться со «Святошей» и тот присматривал за дорогой не только ради милостыни. Ведь в случае чего «Святоша» мог оказаться в нашем городе раньше пассажира, которого ждет Айк.

– И как бы он увидел его в дилижансе?

– Все очень просто, Макс. Тот человек, которого ждет Айк, может приехать только из Литл-Сити, потому что в Фенигане живет мой неугомонный брат. Но из этого чертова Литл-Сити нет прямого сообщения с нашим городом, и будущему «гостю» Айка волей-неволей пришлось бы сделать там пересадку, – трубка Гарри показала на развилку за мостом. – Короче говоря, «Святоша», мог бы легко предупредить Айку Деверо.

– Но тогда получается, что «Святоша» знал в лицо человека, которого боится Айк?

– Угу... – Гарри глубоко затянулся дымом. – Ты что-нибудь слышал об убийстве доктора Тима Коллинза шесть лет назад?

Макс отрицательно покачал головой.

– Я работаю вашим помощником меньше года, шериф.

Гарри кивнул.

– Да, не мудрено, что не знаешь... Так вот, доктора Коллинза убили на дороге из Фенигана в наш Нью-Ричмонд. Все косвенные улики, как стрелка компаса, указывали на Айка Деверо и его старого дружка Длинного Гарриса. Кстати, дело вышло не таким легким, как это казалось в начале этим двум подонкам. Прежде, чем доктор Коллинз расстался с жизнью и с саквояжем набитым золотом, он успел ранить в плечо Длинного Гарриса. Это и сыграло свою роковую роль. Уже позже, переправляясь в брод через Индейский ручей, страдающий от боли Гаррис не заметил, что саквояж отвязался от луки седла и свалился в воду. Аик Деверо не поверил и дружки, после короткой ссоры, схватились за кольты. Гаррис получил еще одну пулю в плечо, а Аик – в брюхо и раненные бандиты, шипя от бешеной злобы как змеи, расползлись в разные стороны. Какое-то время Аик отлеживался в хижине «Святоши» Джо, а вот куда пропал Гаррис, не знает никто. Разве что это место известно моему неугомонному братцу Чарли, но видимо сегодняшняя «лежка» Длинного Гарриса ему не по зубам.

– А откуда вы знаете такие подробности, шериф?

– Ну-у, я все-таки проводил расследование, – самодовольно протянул Гарри Хепберн. – А поскольку убийство произошло между Нью-Ричмондом и Фениганом, проводил его вместе с Чарли. Чарли даже удалось найти свидетеля – местного мальчишку-пастушка. Но мальчишка говорил только об одном человеке, которого он видел на месте убийства и, судя по его описаниям, это был Длинный Гаррис. Чарли приложил немало усилий, чтобы мальчишка припомнил и второго убийцу – Айку Деверо – но мальчишка твердо стоял на своем. Ты неплохо знаешь моего братца, Макс, и можешь себе представить, как расстроился Чарли. Когда Аик Деверо перебрался из Фенигана, где свирепствовал Чарли, в Нью-Ричмонд, мой брат расстроился окончательно и дал слово, что пристрелит Айку руками Длинного Гарриса. Правда, для этого обоих бандитов нужно свести лицом к лицу. А тут возникает другая проблема: Длинный Гаррис всегда побаивался Айку и пока тот жив, маловероятно, что Гаррис появится в нашем городе.

– А зачем ему вообще приезжать сюда?

– Это совсем просто. Гаррис мог бы поискать золото, которое потерял в Индейском ручье. Но такой визит может запросто стоить ему жизни, ведь Аик Деверо никогда не прощает обид. Поэтому у Длинного Гарриса есть повод, чтобы сначала выстрелить в спину Айку, и только потом заняться поисками.

– А вы сами не пробовали найти потерянное золото, шериф?

– Чарли пробовал, но не я, – отмахнулся Гарри. – На Индейском ручье столько же бродов, сколько соломы в стоге сена. А если учесть и те места, где вода касается брюха лошади, то этот чертов ручей – сплошной брод. Честное слово, мой братик Чарли был похож на мокрого водяного, когда шарил вдоль ручья чуть ли не целый месяц.

Гарри победно и часто засопел, что означало, что он вот-вот рассмеется. Сузившиеся до щелочек глаза шерифа блаженно шурились на светлый восход, губы расплывались в наидобродушнейшей улыбке, а щеки, уже ощущающие едва осязаемую теплоту солнца, розовели то ли от его света, то ли от приятнейшего чувства внутри самого Гарри.

Максу надоел разговор с шерифом. Полуобернувшись, он принялся рассматривать склонившееся над рисунком лицо юной девушки. Взгляд Макс тоже посветлел, но, в отличие от взгляда Гарри Хепберна, в нем не было ни капли самодовольства, а кое-кто, возможно, счел бы его едва ли не по-детски чистым.

Гарри проследил взгляд своего помощника.

– Красивая девочка, ведь, правда, Макс? – с гордостью спросил он.

Тот молча кивнул.

– Вот в этом-то и есть моя главная проблема, – Гарри вздохнул, и его лицо стало серьезным. – Джоан хочет выйти замуж за Фрэнка Дарби, не смотря на то, что я уже дважды пока-

зывал ему на дверь, а три месяца назад сделал это уже стволом кольта. К моему огромному сожалению, Макс, когда господь Бог сеет красоту и любовь, он не смотрит себе под ноги.

– Фрэнк Дарби отличный малый.

– Именно малый, а не джентльмен, – презрительно сморщился Гарри. – Фрэнк тачает хорошие сапоги, может запросто швырнуть бродячей собаке кусок солонины, а когда выпьет пива, играет с соседскими детьми в мячик. Я уже несколько раз заставлял Джоан у него на дворе именно за игрой в этот чертов мячик. Я умный человек, Макс, и я отлично понимаю, чем могут закончиться такие игры.

– Поэтому вы снова притащили Джоан с собой?

– А разве упомянутая причина не существенна?

Макс Финчер немного подумал.

– Вы обещали приданное Джоан. Две тысячи долларов – огромные деньги и возможно Фрэнк сумеет расширить свое сапожное дело.

– Ты забыл о куске солонины и склонности Фрэнка к выпивке. У него нет холодной, деловой хватки.

– А у Боба Хинчли она есть?

Шериф вдруг понял, что его трубка погасла. Он тихо ругнулся и достал из кармана спички.

– Да, Боб Хинчли вдовец и явно не красавец... – Гарри почмокал губами, с силой вытягивая дым из трубки. – Кроме того, у него две дочки и они обе очень похожи на свою стервозную мамашу, Царство ей небесное. Но Боб богат и он такой же глухонемой, как моя бедняжка Джоан.

– Когда я смотрю на Джона, я всегда забываю об этом.

– Потому что ты слишком простодушен, Макс. Теперь посуди сам: Боб Хинчли любит Джоан не меньше Фрэнка, и ни что не сближает супругов так, как общий язык или его полное отсутствие...

Шериф замолчал и выпрямился в кресле, рассматривая что-то у подножия горы. На дороге появилась тяжелая, повозка, груженная бревнами. Ее сопровождали четыре всадника, среди которых выделялась высокая и широкоплечая фигура шерифа Фенигана Чарли Хепберна. Последней ехала молодая дама в сером, дорожном платье.

– Прибыли, – коротко и без всякого выражения бросил Гарри Хепберн.

Макс Финчер встал и приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Это и есть та самая замечательная леди, о которой вы мне рассказывали, шериф?

– Замечательная!.. – Гарри фыркнул. – Вот мы сейчас и посмотрим, какая она замечательная. Сначала посмотрим, а потом уж решим, стоит ли браться за это рискованное дельце. Интересно, за каким чертом они тащат в свой Фениган эту чертову повозку?

Макс только молча пожал плечами в ответ.

Чарли Хепберн поднял руку, и повозка остановилась. Не опуская руки, Чарли помахал ей и брату. Гарри вяло ответил.

– Вижу, братец, вижу, – буркнул он.

Чарли и один из его парней слезли с лошадей и стали что-то делать с задним колесом телеги. Второй помощник Чарли принялся выпрягать лошадей из упряжи.

Из трубки Гарри Хепберна поднялось густейшее облачко дыма и почти скрыло его лицо с резко обозначившимися морщинами на лбу.

– Мой братик Чарли или его... – Гарри многозначительно хмыкнул, – ... его умная подружка решили преградить дорогу Гейру Кингу не бревном, а телегой, – наконец догадался он. – Но за каким чертом, спрашивается, нужно было тащить эту телегу из Нью-Ричмонда, если Фениган вдвое ближе?

– В Фенигане нет железнодорожной станции, – подсказал Макс Финчер. – Обычно в наших краях бревна возят от железной дороги, а не к ней.

– Ты думаешь, что Гейра Кинга может насторожить факт, в какую сторону повернуты оглобли телеги?

Макс пожал плечами:

– А почему нет, шериф? Эти мерзавцы всегда очень догадливы.

Гарри выпустил очередное облачко дыма.

– И все-таки в Фенигане Чарли не пришлось бы платить за телегу и бревна. Любой с удовольствием одолжил бы ему все за пару долларов и честное слово компенсировать сполна возможные потери.

Между тем Чарли и его помощник сняли левое заднее колесо телеги. Они бросили его тут же у дороги. Макс увидел, как тяжело выпрямлялся шериф Фенигана, держась одной рукой за спину.

– Они выбрали удачное место, – сказал Макс. – Справа довольно крутой подъем в гору, слева густой кустарник, пара деревьев, и крутой скат вниз. Гейру Кингу придется либо убрать телегу с дороги, либо идти дальше пешком.

Гарри пожевал губами чубук трубки:

– А зачем они сняли колесо телеги? Гейр Кинг и его ребята легко поставят его на место.

– Наверное, они хотят подсказать Гейру Кингу причину аварии, шериф. Все выглядит так, будто кто-то вез бревна в Фениган. У телеги отвалилось колесо, и возница не смог приподнять ее задний угол один, чтобы поставить колесо на место. Он выпряг лошадей, чтобы их не украли, и ушел за помощью в Фениган. В общем, все выглядит довольно естественно.

– А смысл?.. У Гейра Кинга будет полно времени, и он... я не знаю... – Гарри зачем-то огляделся по сторонам. Макс вдруг увидел несвойственную шерифу Нью-Ричмонда беспомощность во взгляде: – Да этот чертов Кинг может попросту спалить эту дурацкую телегу! А пока она будет гореть, Гейр может поджарить на огне пару местных кроликов и выпить пол-ящика виски, потому что его никто никуда не торопит.

Гарри взглянул на своего помощника так, словно искал у него поддержки.

Макс передернул худыми плечами.

– Я не знаю, шериф... Но, возможно, у Гейра Кинга будет не так много времени или у вашего брата и его знакомой есть какой-то хитрый план.

Выпряженные из телеги лошади наконец-то направились в сторону Фенигана под прищмотром одного из помощников Чарли Хепберна. Сам шериф, насколько это позволял крутой скат, поднялся вверх поближе к площадке, на которой устроился Гарри.

– Привет, Гарри! – крикнул он и широко улыбнулся.

– Что он там кричит? – спросил Гарри Макса.

– Он здоровается с вами, шериф.

– Снова? – делано удивился Гарри. – Мы, вроде бы, уже помахали друг другу лапками. Ответь ему, Макс, мне неохота драть свое горло.

Макс прокричал ответное приветствие. Оно получилось настолько громким, что Гарри Хепберн почесал в ухе указательным пальцем.

– Встречайте мисс Абигайль Нортон! – Чарли Хепберн оглянулся и кивнул на незнакомку на лошади. – Я не могу здесь торчать, Гарри, потому что Гейр сразу заподозрит неладное. Кстати, бандитов будет только трое, потому что Зак Китс вчера умер.

– Он споткнулся и упал на фермерские вилы? – все-таки подал свой голос Гарри.

– Почти. Парень посчитал, что мне нечего делать в Литл-Сити и попробовал доказать это.

– А ты?..

– А я как всегда защищал закон, Гарри, пусть и не на своей территории. Но закон есть закон и с ним не стоит шутить даже крутому бандиту, – Чарли Хепберн снова блеснул зубами. – Ладно, до скорой встречи, братец!

Чарли повернул лошадь.

– Мой братик наверняка показал даме дорогу наверх. Но гостью нужно все-таки встретить, Макс, – сказал Гарри. – Заодно проверь наших лошадей внизу. Кстати, что у нас с кофе?

– Уже остыл, шериф.

– Тогда сначала подбрось в костер дров и поставь кофейник. Так и быть, я за ним пригляжу, пока ты будешь шлаться вниз.

– Спасибо, шериф, – не без иронии ответил Макс. – А вам будет не тяжело присматривать за кофейником? Ведь вы не сводите глаз со своей племянницы. Правда, когда вы затягиваетесь дымом и закрываете глаза, вы не спешите открывать их, потому что наверняка видите лицо Чарли Хепберна. Я почему-то уверен, что вам есть, что ему сказать.

– Допустим, с Джоан ты прав, – великодушно поддержал иронию своего помощника Гарри. – Но с чего ты взял, что я воображаю физиономию своего неумного брата?

– Если я не ошибаюсь, Чарли подарил вам кресло-качалку во время вашей последней встречи?

– Ну, так... И что?

– Я уверен, что это была компенсация... Например, за то, что Чарли все-таки в чем-то убедил вас. Но вы до сих пор не очень-то довольны этим.

– Хватит и заткнись, умник! – поморщился Гарри.

– Вы удивительно похожи на своего брата, когда раскачиваетесь в кресле, – продолжил Макс. – Но только с закрытыми глазами.

– А если с открытыми?

– Тогда вы выглядите не столь уверено, шериф.

– Или к черту! – окончательно потеряв напускное спокойствие, рявкнул Гарри. – То есть займись наконец делом, говорун.

«Нет-нет, он в чем-то все-таки прав, – чуть позже подумал Гарри, рассматривая худую спину Макса. – Я и в самом деле немного нервничаю. Но меня можно понять, я очень сильно волнуюсь за Джоан. Ох, уж этот мне чертов Чарли!...»

И Гарри скорбно покачал головой.

3.

Приветствуя даму, Гарри Хепберн не стал вставать из кресла-качалки, а только приподнял шляпу. Молодая женщина представилась. Она вела себя довольно непринужденно и даже улыбочиво, но ее улыбка не рождала желания отпустить в ответ какую-нибудь вольную шуточку. За ее несветской простотой в общении скрывалось спокойная уверенность в своих силах.

Макс подал гостью табурету, и поддержал ее под локоть, пока гостья усаживалась на нее. Уже за кружкой горячего кофе молодая женщина с очередной улыбкой простила неловкое движение Макса Финчера, все-таки толкнувшего ее под локоть и со спокойным пониманием отнеслась к всегдашнему многословию шерифа Гарри Хепберна. Оживленное лицо гостьи казалось милым, но все-таки довольно обычным. И только глаза – умные, глубокие и спокойные – существенно отличали ее от всех знакомых Максу и Гарри женщин.

Когда необходимые при встрече незнакомых людей слова закончились, Гарри перешел к делу.

– Мисс Абигаиль, Чарли просил меня рассказать вам... то есть, как бы это выразиться получше?... В общем, дать вам как можно больше информации, – шериф немного помолчал, по-хозяйски обдумывая, какая именно информация может пригодиться гостье в предстоящем

деле, а какая нет. – Не знаю, чем вам это поможет, но если вы сочтете возможным, а это вполне может случиться... – собственная речь вдруг показалась шерифу слишком витиеватой, и он с силой кашлянул в кулак. – Короче говоря, мисс, вы можете задавать вопросы. У нас примерно четыре часа времени. Дилижанс Гейра Кинга проедет тут не раньше одиннадцати. Надеюсь, за это время я и Макс не успеем вам надоесть.

Макс тут же заявил, что надоесть гостю по-настоящему может только Гарри Хепберн. Женщина снова улыбнулась, при чем так, что это не обидело Гарри. Он тут же ответил Максу длинной саркастической фразой о «молодых дураках» напроць лишенных умной терпимости к пожилым и разумным джентльменам.

Мисс Абигайль невольно обратила внимание на особенность отношений шерифа и его помощника: если Гарри Хепберн был говорлив и едва ли не театрально благодушен, то Макс Финчер не всегда мог сдержать своей язвительной иронии по поводу разглагольствований Гарри.

Поймав вопросительный взгляд мисс Абигайль, Макс сказал:

– Не удивляйтесь, мисс, – его горькая полуулыбка обнаружила отсутствие пары зубов слева. – Все дело в том, что наш шериф Гарри Хепберн – здешний бог. Не скрою, довольно умный, хотя многие и ставят это под сомнение.

– Одни дураки и ставят, – оборвал Гарри.

Мисс Абигайль перевела взгляд на Гарри Хепберна. Тот раскачивался в кресле-качалке и пускал в небо дымовые облачка.

– Вы – Зевс? – спросила молодая женщина Гарри и в ее зеленых глазах блеснули веселые искорки.

– Ну, допустим, это преувеличение, – великодушно поддержал остроту в свой адрес Гарри. – Конечно же, я не бог, а, скорее, местный и вполне демократический божок. Но раньше Макс был пастором, а я – его прихожанином, – Гарри затянулся табачным дымом и выпустил облачко в столбик мошкары. – Тогда, по вечерам, мы с Максом частенько заглядывали в салун и спорили о вере и Боге. Все кончилось тем, что Макс снял сутану и взял в руки кольт. Он наконец-то понял, что в наших земных делах эта чертова железяка, набитая пулями, уравнивает людей не хуже Господа Бога. Но не нужно считать меня атеистом, мисс. Я верю в нашего Создателя не меньше, чем Макс. Правда, в отличие от него и других, я не придумываю лишнего. И мне глубоко наплевать на те различия, которые существуют между христианами, христианами и мусульманами, и ради которых они тысячи лет резали глотки друг другу. Главное только одно – я искренне признаю, что Бог есть и – слава Богу.

– А церковь? – хмуро спросил Макс.

Гарри Хепберн понимающе хмыкнул.

– Ты опять за свое, недобитый крестоносец? Я уже сто раз говорил тебе, что не вижу ничего плохого в том, что человек посещает храм, который построили его предки. Но превращать этот визит в подобие некоего таинства со словесными оргиями и воплями «Этого хочет Бог!», а потом устраивать религиозную резню в Иерусалиме или Чикаго просто глупо. Да, Бог – Слово, но именно церковники топят его в своих суетных, человеческих словах, как младенца в купели.

Макс проворчал что-то о том, что религиозной резни в Чикаго никогда не было.

– Ну, так будет, если люди не поумнеют так, как ты, – сказал Гарри, акцентируя смысл фразы на последнем слове и пытаясь утешить своего помощника неким подобием комплимента.

– Вот скажите мне, мисс Абигайль, – после небольшой паузы обратился Гарри к гостю. Он немного помолчал, задумчиво посасывая трубку: – Я вижу цепочку на вашей шее и кончик серебряного крестика. Вне сомнения вы, в отличие от меня, принадлежите к так называемой ортодоксальной церкви. Ответьте мне, пожалуйста, в чем суть молитвы к Богу?

– В каком смысле? – осторожно спросила гостя.

– В прямом и единственном. Разве Бог не знает, что нужно человеку лучше, чем это знает сам человек? Возьмем, например, моего друга Макса...

Макс попытался что-то возразить и даже поднял руку, но Гарри остановил его строгим взглядом.

– О чем может просить Макс? Например, о здоровье. Но Бог и так наделил его лошадиной выносливостью и ослиным терпением. Макс не умеет болеть больше одного дня и никакая сила не сможет удержать его в кровати...

– Вы имеете в виду ту силу, шериф, которая утром сдергивает с меня одеяло и дает два десятка самых разных зданий? – все-таки вставил свой вопрос Макс.

Гарри Хепберн снова не обратил ни малейшего внимания на замечание своего помощника.

– ... Природа умнее Бога, мисс Абигайль. Избыток здоровья так же вреден для человека, как и его отсутствие, потому что излишки человек почти всегда тратит на выпивку, драку и прочую ерунду. Впрочем, можно просить Бога не только о здоровье, а, скажем, об удаче в делах. Но что тогда может получиться? Бог отнимет удачу у одного человека и передаст ему другому. Справедливо ли это? Я думаю, нет. И тогда я снова спрашиваю вас, мисс, в чем смысл молитвы?

– Вы немножко не так все понимаете, – мягко улыбнулась мисс Абигайль.

– Немножко? А как нужно? – делано удивился Гарри. – Хорошо, давайте я задам вам еще один вопрос, так сказать попроще: насколько справедливо Бог разделил мир на богатых и бедных? Как вы думаете?

Молодая женщина пожала плечами:

– Во-первых, я никогда не думала об этом, а, во-вторых, не кажется ли вам, что, вставив в свой вопрос упоминание о Боге, вы невольно уравнили Его с миром?

– Ну, вот уж нет! – горячо повысил голос Гарри. – Я всегда отношусь к этому седовласому, длиннорылому мудрецу на дождевом облачке с должным почтением. Теперь давайте подумаем вместе: если Бог разделил мир на богатых и бедных – а ведь Он это сделал! – то, о какой справедливости может идти речь? Разве вдова Хиншоу в моем городке со своими тремя малолетними детьми чем-то хуже пройдохи Вилли Райта, который может сделать из одного доллара три всего за неделю и после чего бедная вдова Хиншоу станет еще беднее?

– Гарри, твой брат Чарли просил рассказать мисс Абигайль совсем о других вещах, – снова вмешался в монолог шерифа Макс Финчер. – Скоро появится Гейр Кинг.

Гарри азартно отмахнулся.

– А я что делаю, по-твоему? Разве мы с тобой не участники будущей комедии, а, может быть, и драмы в которой весьма вероятно прольется кровь? Убийство – большой грех и нам стоит подумать заранее, как и чем нам может помочь молитва к Создателю. Ну, мисс Абигайль?.. Что вы мне ответите на мой второй вопрос о богатых и бедных? Можно ответить и кратко, потому что Макс все-таки прав и нам пора начинать подготовку к встрече с головорезами Гейра Кинга.

Гостя сделала маленький глоток кофе из закопченной кружки. Макса Финчера удивил контраст между светлой и чистой женской кожей лица и кирпичного цвета кружкой.

«Посуду не вымыл!», – выругал он себя.

– Все очень просто, мистер Хепберн, – неторопливо сказала мисс Абигайль. – Во-первых, о смысле молитвы. Вспомните, пожалуйста, ведь сегодня утром вы молились. Но вы не только молились, вы очень-очень хотели, чтобы ваша молитва была услышана.

– Я молился?! – изумление Гарри Хепберн было настолько искренним, что он привстал в кресле, и от чего оно чуть было не опрокинулось назад. – О чем?!..

– Не о чем, а о ком. О своей племяннице Джоан. Ведь вы уверены, что девочка сегодня подвергнется большому риску.

Гарри осел, забыв закрыть рот. Кресло пискнуло, качнулось и замерло.

– Теперь о том, как Бог разделил мир, – продолжила мисс Абигайль. – Если вы вчитаетесь в Библию, ну, хотя бы в самом ее начале, то увидите, что Бог действительно разделил свет и тьму, воду и сушу и еще много чего другого. Можно сказать, что наш мир возник из хаоса разделенного Богом на упорядоченные миры. Бог разделяет, но не отдаляет. Он не отдалял одного человека от другого на опасное расстояние и так, что бы они вдруг перестали чувствовать боль друг друга. Бог не отдалял вдову Хиншоу и ее детей от пройдохи Вилли Райта, или вас от вашего помощника или брата. А поэтому ваш вопрос о том, насколько справедливо мир делится на бедных и богатых это вопрос к людям, а не к Богу.

– Я все понял! – не без чувства мстительности к шерифу воскликнул Макс Финчер. – Иными словами, если мерзавцу Райту снова удастся обобрать вдову Хиншоу, то где в это время будем мы с тобой, Гарри?

Гарри Хепберн помрачнел лицом и, словно стыдясь этого, тут же укутал его в огромное облачко табачного дыма.

– Ну, допустим, это только слова, мисс... – неуверенно донеслось из облачка.

– Да, это только слова, – легко согласилась молодая женщина. – Но вы спрашивали словами, и ими же я вам ответила.

Макс Финчер с нескрываемым интересом принялся рассматривать гостью.

«А ведь она очень красива, – вдруг догадался он. – Удивительно, как я этого сразу не заметил?»

Макс Финчер всегда побаивался женщин – в этом он трусил признаться даже самому себе – и пошел в католические священники едва ли не только по этой тайной от всех причине. После разрыва с церковью в его жизни вдруг возникла толстуха Хари Монс. За год эта крикливая женщина принесла Максу куда больше неприятностей, чем местные бандиты, нетрезвые мирные обыватели Нью-Ричмонда и Гарри Хепберн вместе взятые. По ночам, под храп Хари, Макс Финчер частенько тосковал о своей прежней жизни, считая ее чистой и почти святой, и ругал в подушку Гарри Хепберна, посеявшего сомнения в его, как теперь уже казалось Максу, ранее безгрешной душе. Половая жизнь Макса была похожа на беспробудную пьянку: огромная волна желания вдруг поднимала его и бросала на огромный утес, который оказывался крупным женским телом, потом отбегала назад и Макс оставался на берегу, мокрый и опустошенный на смятой постели... Затем наступало утро, толстуха Хари умела прекрасно готовить кофе и куриный суп, Макс торопливо, не глядя на толстуху, ел, нужно было спешить на работу и день превращался в обычную, суетливую круговерть.

«А что если эта красавица и умница знает о моей толстухе Хари Монс?!» – с ужасом подумал Макс.

Он опустил глаза и принялся рассматривать свои башмаки, испачканные красной глиной и покрытые каменной пылью.

«Так тебе и надо! Вот это действительно твое – Хари Монс! – со злостью подумал Макс, изучая оттенки грязи на башмаках. – Ты получил то, что хотел».

– Ладно, теперь нам пора поговорить о предстоящем деле более конкретно, – заговорил Гарри Хепберн. Его голос стал строгим: – И первое, что я хочу вам сказать, мисс Абигайль, что если я увижу, что моей малышке Джоан будет грозить даже не опасность, а только ее тень, я прерву эту вашу... – Гарри поморщился. – Как ее?.. В общем, операцию. Я просто пальну в воздух, а если Гейра Кинга и его ребят это не отвлечет от Джон, пристрелю любого из них.

«Пристрелишь с такого расстояния? – с прежней злостью подумал Макс Финчер. – Да ты в телегу отсюда не попадешь!»

– ... Если же, не смотря на мои старания, ваша операция дурно кончится, вы мне ответите, мисс Абигайль, – продолжал Гарри Хепберн. Его голос становился все более холодным, а под конец монолога стал едва ли не ледяным. – Я гарантирую вам и вашим коллегам огромные неприятности. Поверьте мне на слово, что если на кончике мизинца Джоан появится хоть одна царапина, вам не поможет ни Чарли Хепберн, ни Президент Соединенных Штатов, ни Господь Бог.

Макс Финчер продолжал рассматривать свои ботинки и все больше и больше ненавидел их, себя и Гарри Хепберна.

«Маленький божок готов подглядывать за чужими грехами, чтобы потом покарать за то, на что сам же дал согласие. Покарать, возможно, даже не вставая с этого места. Какой же ты сволочной бог, Гарри!»

– Я согласна с вами, мистер Хепберн, – голос мисс Абигайль не потерял ни своего спокойствия, ни мелодичности. – Но отвечать за неудачу буду только я одна. Ваш брат отпустил наш цирк еще до нашего отъезда сюда.

Гарри Хепберн подавился табачным дымом.

– Отпустил?! – голос шерифа выдал высокую петушиную нотку.

Мисс Абигайль промолчала, понимая, что Гарри нужно перевести дух, чтобы продолжить свое, как ему искренне казалось, законное возмущение.

– За каким чертом отпустил?!

Макс скосил глаза на гостью. Молодая женщина чуть заметно передернула плечами. Она смотрела на потухающий огонь костра и ее спокойное, слегка бледное лицо казалось Максиму Финчеру удивительно живым и добросердечным.

«А глазищи-то у нее какие огромные!» – вдруг забыв о своей злости, подумал Макс.

Целую минуту Гарри Хепберн сосредоточено сосал трубку. Он сердито сопел и тоже смотрел на огонь. Правда, в глазах шерифа не было ни капли сердечного тепла.

– Что ж, в конце концов, Чарли тоже может ответить свою глупость, хотя он мне и брат, – наконец выдал из себя шериф. – Интересно, что он рассказал вам о нас с Максом?

– Ничего дурного, мистер Хепберн. Ваш брат очень любит вас и сильно переживает за Джоан.

– Вот даже как? – Гарри многозначительно хмыкнул. – Хотелось бы верить в это!..

4.

Ночь перед отъездом из Литл-Сити Гейр Кинг провел в гостинице «Ночные бабочки» и утром ему приснился кошмарный сон. Гейр преследовал роскошную карету (черт возьми, может быть даже королевскую, судя по ее покрытым позолотой и витиеватой резьбой бокам), набитую женщинами в пышных розовых платьях. От волнения и предвкушения сладкой добычи у Гейра бешено стучало сердце, а во рту было сухо и пусто, как в кошельке нищего. Его лошадь еле-еле плелась следом за добычей, хотя Гейр что было сил колотил шпорами по ее мягким бокам. Из окон кареты то и дело выныривали веселые женские лица с маслянисто блестящими губами и манящие руки, усеянные дорогими кольцами и браслетами.

Гейр здорово вспотел, измываясь над своей клячей, но расстояние между ним и добычей оставалось подозрительно неизменным. В конце концов, бандит соскочил с лошади, надеясь нагнать карету бегом, и вдруг увидел, что его лошадь – всего лишь чучело на колесной подставке. Странное приспособление было привязано к карете при помощи длинной веревки и сильно смахивало на детскую деревянную лошадку. Карета остановилась, из нее, хлопая крыльями как вороны, вылетели темные фигуры похожие на взлохмаченных ведьм. Гейр вскрикнул от ужаса. Дорога и карета куда-то провалились и он остался один в темноте.

Сон кончился... Точнее говоря, Гейр вдруг понял, что он видел всего лишь сон, а не участвовал в настоящей погоне, но явь – грязное окно напротив кровати и замусоренная комната – почему-то не выплывали из темноты. Тонкое, успокаивающее состояние между ушедшим сном и еще не явленной реальностью не спешило уходить и растеклось как капля радужного масла на воде. Гейр слабо и благодарно усмехнулся. Томительная, приятная истома переполняла все его тело, а мысли – мысли еще ни о чем, похожие скорее на их предчувствие – словно превратились в пустые, чистые стаканы под ярким солнцем. Они не были заполнены ни водой, ни виски, а только светом. Ощущение тепла и покоя – тепла не от сбившегося на бок одеяла и покоя не от облегчения, что кошмарный сон кончился – а от чего-то другого, несоизмеримо большего и не замаранного привычным, удивило и позабавило Гейра.

«Господи, хорошо-то как!..» – улыбаясь, простонал про себя Гейр.

Ему расхотелось просыпаться и время перестало существовать.

«Ушло, ушло, – пронеслась в голове Гейра неясная и радостная мысль. – Все ушло!»

Но время все-таки вернулось. Гейру вдруг показалось, что он куда-то медленно опускается, его спина коснулось горячее, влажной точки и он, наконец, понял, что лежит на боку. Там, за спиной, сонно всхлипнула женщина и что-то тихо сказала по-испански. Левая лопатка Гейра коснулось ее лица и это потревожило женщину.

Странное состояние полусна исчезло без следа, и Гейр открыл глаза. Он увидел неопрятную комнату, давно не мытое, мутное окно и свою голую ступню, просунувшуюся через гридушку кровати.

– Черт! – громко и сипло сказал Гейр.

Женщина вздрогнула и подняла голову.

– Что? – быстро и испуганно спросила она.

– Ничего и пошла ты куда подальше, – раздраженно сказал Гейр.

Женщина встала и обошла кровать, чтобы добраться до своих вещей. Она была совсем голой и принялась торопливо одеваться стоя чуть ли не у самого лица Гейра. На этот раз женские прелести не вызвали у него ничего, кроме еще большего чувства раздражения.

– Отойди, дура, – сказал Гейр.

Женщина послушно отошла ближе к двери.

Гейр повернулся на спину, уставился на закопченный свечным салом потолок и стал думать. Он удивился тому, как тяжелы его мысли, словно он отвык, что называется ворочать мозгами, и ни одна из этих мыслей не приносила ни облегчения, ни тени радости, в отличие от тех, которые вдруг прикоснулись к нему сразу после ночного кошмара.

«Дьявольщина какая-то, – вяло выругался Гейр. – И сны дурацкие. Словно из человека в младенца превратился... Белая горячка, что ли начинается?»

Он слегка пошевелился и ощутил всегда волнующую и придающую уверенности силу своего тела. Постепенно к Гейру вернулись запахи, привычные для таких ночлежек, как «Ночные бабочки». Больше всего в этом «букете» Гейру не нравился запах несвежего женского белья. Он поморщился.

– Слышь, ты, – обратился Гейр к мексиканке, не глядя на нее. – Ты помойся, что ли... – он недобро хмыкнул. – А то пахнешь так, словно навозную кучу одеколоном побрызгали.

Женщина на мгновение взглянула в лицо Гейра, и в ее глазах промелькнул бездумный, темный страх.

– Узду надела, попону накинула? – спросил Гейр, сгоняя с лица усмешку. – Вали теперь. С тетушкой Моли я рассчитаюсь сам.

Когда дверь захлопнулась, Гейр расслабился и закрыл глаза.

«Пора сматываться, – медленно, все еще с заметным усилием подумал он. – Бедолага Зак Китс был прав, когда сказал мне вчера на прощание, что Чарли Хепберн что-то затевает. Надеюсь, что в аду тебе выделяют не такое жаркое местечко, Зак...»

Последние шесть дней Гейр Кинг провел в Литл-Сити не только потому, что решил расслабиться в компании друзей, двух десятков «ночных бабочек» и такого же количества ящиков с бутылками виски. Гейр Кинг был занят работой всегда, даже когда пил или спал с женщинами. Ему несли деньги со всей округи за рэкет, и его дорожный саквояж постепенно заполнялся тугими пачками долларов. Вчера Гейр получил последнюю плату – от фермеров из Большой Долины – и его дела, в сущности, были закончены.

Смущало только то, что вчера в Литл-Сити заявился Чарли Хепберн в компании пятерых крепких парней. Шериф из соседнего городка затеял ссору с Заком Китсом, явно провоцируя его на выстрел. Китс был слишком пьян, чтобы понять, что к чему и не думая, схватился за револьвер. Гейр тогда торчал у стойки бара, разборка происходила на улице, возле коновязи и когда прозвучал выстрел, Гейр мгновенно понял, что его дела не так хороши, как казалось ему раньше. Во-первых, никто из обычных людей не решился бы вытащить свой кольт, когда в Литл-Сити были люди Гейра, а, во-вторых, Гейр крепко втолковал своим парням, чтобы они забыли об оружии. Он просто «собирал урожай» и любая пальба могла испортить дело.

Гейр вышел на улицу. Чарли Хепберн был просто великолепен в своем негодовании и уже собрал толпу народа. Первым делом, он заявил Кингу, что у него есть масса свидетелей, что Зак Китс первым схватился за свой кольт. Гейр не стал спорить и присел рядом с умирающим. Именно тогда Зак и успел шепнуть ему те слова про то, что Чарли что-то задумал.

– Будь осторожен, Гейр, – уже совсем тихо добавил он. – Честный Чарли – дурак, его брат Гарри – занудный трус, но на этот раз они не отпустят тебя просто так...

Зак Китс был умным человеком – может быть, самым умным в банде Гейра – и Гейр поверил ему. Он уже и сам не раз слышал, что значок шерифа держится на рубашке Гарри Хепберна только на одной тоненькой ниточке, но предпринять что-то опасное для Гейра он не сможет без помощи своего братца. И уже теперь, когда оба брата наверняка собрались вместе – иначе зачем Чарли соваться в Литл-Сити? – Гейр поверил в будущие неприятности окончательно.

Зак Китс умер через час возле конюшни и рядом с ним оставался только мексиканский мальчик-пастух, да и тот торчал там по приказу Гейра. Когда мальчишка сообщил Гейру ожидаемую новость, тот снова потягивал виски возле стойки бара и косился на Чарли Хепберна и его ребят. Те что-то весело орали за столом в углу, но мало пили, а что особенно любопытно, в их компании была миловидная молодая дамочка. Гейр пару раз поймал ее спокойный и умный взгляд, и ему вдруг стало не по себе. Гейр мог поклясться чем угодно, что она, глядя только в его сторону, видела весь бар целиком, еще отдельно угол комнаты, где сидели его ребята Дакота Энн и Джеб Лесоруб и даже потолок над Гейром, хотя он никак не мог взять в толк, зачем этой красотке разглядывать потолок.

«Зак начал что-то подозревать – он действительно был единственным, кто мог хоть что-то предвидеть в действиях законников – и поэтому Чарли пристрелил его, – понял тогда Гейр. – Кроме того, мне очень не нравится, как смотрит на меня эта красотка в компании Чарли Хепберна. Так не смотрят ни убийцы на свои жертвы, ни бухгалтеры на деньги. Хотя, черт бы меня побрал, я уверен, что она что-то считает. Именно считает, а не соображает, как облапошить мужика, как любая здешняя баба».

Воспоминания о вчерашнем вечере окончательно вернули Гейра к действительности. Он сел и достал из-под кровати саквояж. Саквояж был сделан из прочной свиной кожи, а две хромированные железные дужки наверху походили на плотно сомкнутые, тонкие и цепкие губы. Гейр погладил сначала стальные, прохладные «губы», а потом теплый, кожаный бок и довольно улыбнулся.

Он купил саквояж пять дней назад, когда увидел, как в банк на Лонг-стрит приехали касиры из соседнего города. Парней было трое, и каждый держал в руках именно такой дорожный чемоданчик. Потом Гейр заметил какого-то явно столичного пижона с таким же саквояжем уса-

живающегося в коляску, и почти тут же пожилого джентльмена, только что покинувшего банк на Лонг-стрит. Гейру вдруг показалось, что любой уважающий себя деловой человек должен иметь именно такой дорожный чемоданчик. Ему до жути понравилось сочетание кожи, хромированной стали, и расширяющаяся вниз, похожая на сытое брюхо, форма дорожной сумки. Раньше он почти не обращал на внимание на подобные мелкие вещи, и все чемоданы и баулы, которые попадались ему в качестве добычи, выбрасывал как лишнюю улику. Но любовь к саквояжу – хотя она пришла ниоткуда и непонятно как – вдруг оказалась настолько огромной, что Гейру не пришла в голову еще одна, куда более умная мысль: задуматься о причинах этой нелепой страсти.

Гейр купил саквояж в магазине рядом с банком. К его удивлению, там продавали только подержанные вещи (или слегка подержанные, продавец оправдывался тем, что Литл-Сити не такой уж богатый город), но саквояж, который предложили ему, был почти новым. На всякий случай Гейр ревниво осмотрел еще пять чемоданчиков, но, в конце концов, был вынужден согласиться с продавцом.

Порывшись в кармане висевших на гридушке штанов, Гейр достал ключ и отпер саквояж. Деньги были на месте. Они лежали грудой – пачка на пачке – и Гейр был готов поклясться могилой своей матери, что вчера они лежали именно так, и никак иначе. Он тронул деньги пальцем, и верхняя пачка слегка сдвинулась с места.

«Послушные сукины дети, – улыбнулся Гейр. – Эти ребята хорошо знают своего хозяина».

Взнос от фермеров из Большой Долины довел выручку Гейра до двадцати тысяч. Сумма казалась ему круглой, ровной для счета и едва ли не совершенной по своей сути.

«Заку Китсу полагалось целых четыреста долларов, – подумал Гейр и поморщился. – Прости, Зак, но твоя доля умерли вместе с тобой. Хотя сами деньги, как ты видишь, целы и лежат в сумке, а не в земле».

Мысли Кинга снова вернулись к возможным неприятностям в дороге и вдруг показались ему досадными до кислинки во рту. Он не без усилия отогнал их.

«Там видно будет, – решил Гейр. – Только Зак Китс любил обдумывать такие вещи заранее, но вчера он получил свою пулю».

Гейр захлопнул саквояж и положил на него большие руки. Пора было вставать, дать пинка стулу, торчащему посреди комнаты и собираться в дорогу. Но то ли не заладилось немного странное утро, то ли в настроении Гейра вдруг появилась какая-то трещинка, его мысли снова и снова возвращались к смутной, витающей в воздухе, угрозе.

Гейр снова вспомнил женское лицо в компании Чарли Хепберна и уже в который раз помянул черта.

«Что тебе далась эта баба?! – рассвирепел он. – Ну, смотрела она на тебя... Ну и что? Разве другие бабы не смотрят? Да, она не танцевала как эти другие, не крутила своей задницей перед посетителями... Но все-таки зачем-то приперлась в Литл-Сити в компании Чарли. Я, и не только я, никогда не видели Чарли в компании с женщинами... Хотя, что мне до этого? Да провались она к дьяволу!»

Гейр резко встал. Он уже шагнул было к стулу, и приготовился пнуть его, как вдруг его остановила другая странная мысль. Точнее говоря, мысль была даже не странной, а совсем уж сумасшедшей, потому что Гейру показалось, что между его утренним странным состоянием после сна и женским лицом, в компании Чарли Хепберна, было что-то неуловимо общее. Гейр замер, стоя перед стулом и выставив вперед левую ногу. Он напряг мозги... Гейр Кинг думал что было силы, морщил лоб, но не мог справиться с загадкой. Как бы он не старался найти ее решение или хотя бы понять ее общий смысл, тут же, как штора, поднималась пугающая темнота. В конце концов, наморщенную на лбу кожу свела судорога усталости.

– А-а-а, сволочь!.. – взревел Гейр.

Он ударил ногой стул. Стул поднялся в воздух, полетел в окно и вырвался наружу в стая блестящих стеклянных осколков.

Тьма рухнула. Гейр налил полстакана виски, залпом выпил его и вытер мокрые губы тыльной стороной ладони.

«Перегулял и перепил, – решил он. – Бывает... И особенно с утра. Но пройдет. Штаны не забудь, – уже с усмешкой посоветовал он сам себе, берясь за грудку одежды. – Дорога не близкая и без штанов будет нелегко».

Едва взяв в руку рубашку, он тут же отбросил ее и снова потянулся к бутылке виски на столе.

– Гейр, что там у тебя? – слышался из-за разбитого окна спокойный голос Дакоты.

Гейр выпил виски.

– Стул, сволочь, под ногу подвернулся, – Гейр смотрел на бутылку виски и думал, не налить ли себе еще.

– А мне показалось, что баба от тебя выпорхнула, – засмеялся Дакота.

– Какая баба?

– Лишняя! Потом гляжу – стул. Голова не болит после вчерашнего?

– Иди к дьяволу!

Гейр соображал, что скажет своим парням, когда они почувствуют от него свежий запах спиртного. Он категорически, в том числе и самому себе, запрещал прикасаться к виски перед дорогой. Настроение Гейра снова помрачнело.

«Впрочем, ладно, придумаю что-нибудь, – решил он. – Скажу, что эта сучка-мексиканка плохо справлялась со своими обязанностями, и мне пришлось поколотить ее. А когда она разревелась – влить в нее виски. Ну, и самому пришлось выпить... Эти дуры не любят пить в одиночку».

Очередная доза спиртного приятно обожгла рот. Гейр сразу забыл о так и не решенной загадке, разбитом окне и предстоящей дороге. Надевая сапоги, он сердито сопел, ни о чем не думал и злился только на грязь на голенищах...

5.

Пламя жадно лизало сломанную ветку, брошенную в костер Максом Финчером. Одна ее сторона тут же почернела, а на сломе, где ежился десяток изломанных белых игл, тут же вспыхнуло легкое, прозрачное пламя. Макс швырнул в костер еще пару сучьев и хмуро уставился на разгорающийся огонь.

К костру подошла Джоан. Девушка присела на корточки напротив госты и посмотрела ей в лицо.

– Здравствуй, Джон, – улыбнулась Абигайль.

На смуглом, с острыми, но приятными чертами лице Джон появилась ответная улыбка и она молча кивнула.

– Вы ей понравились, – коротко взглянув на девушку, буркнул Гарри. – Наверное, Чарли уже рассказал вам, что моя несчастная Джоан глухонемая от рождения. Ее мать была индианкой, а отцом – мой брат. Говорят, что такие браки иногда случаются в других местах, но только не у нас. Здесь несколько иные правила жизни, мисс Абигайль. Нашим местным ребятам не понравилось, что мой брат Вильям женился на скво, а краснокожим, что их сестра сожительствует с белым. Шаманы тех и других заявили, что девочка родилась глухонемой именно по этой причине. Короче говоря, все кончилось очень дурно, мисс, мой брат и его жена погибли, и я уже пятнадцать лет воспитываю Джоан один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.